

ДЖ. М. КУТЗЕЕ

В ожидании варваров

I

Я никогда такого не видел: перед глазами у него висят два круглых стеклышка в проводочных петлях. Он что, слепой? Если бы он прятал слепые глаза, я бы еще мог понять. Но он не слепой. Стеклышки темные и снаружи кажутся непрозрачными, но он видит сквозь них. Новейшее изобретение, по его словам.

— Они защищают глаза от солнца, — говорит он. — В этой вашей пустыне очень помогает. Меньше щуришься. И голова реже болит. Посмотрите. — Он притрагивается к уголкам глаз. — Никаких морщин. — Он снова опускает стекла на место. Да, действительно. Кожа у него как у молодого. — У нас все в таких ходят.

Мы сидим в лучшей комнате трактира, на столике между нами фляга и плошка с орехами. Причину его приезда мы не обсуждаем. Он прибыл в связи с чрезвычайным положением, этим все сказано. Мы предпочитаем говорить об охоте. Он рассказывает, как недавно выезжал на великолепную травлю: как забили тысячи оленей, кабанов, медведей, до того много, что целую гору туш пришлось так там и оставить («Хотя было жалко»). Я рассказываю о великолепных стаях перелетных гусей и уток, что каж-

дый год опускаются на наше озеро, и описываю здешние способы охоты. Предлагаю свозить его на туземной лодке на ночную рыбную ловлю.

— Презанятнейшее зрелище, — говорю я. — Рыбаки зажигают факелы и бьют над водой в барабаны, чтобы рыба шла прямо в сеть.

Он кивает. Рассказывает о своей поездке в другую приграничную провинцию, где жители едят некоторые виды змей и считают их лакомством; а еще рассказывает, как подстрелил огромную антилопу.

Среди непривычной мебели он двигается неуверенно, но свои темные стекла не снимает. Спать он уходит рано. В трактире он остановился потому, что ничего лучше наш город предложить не может. Трактирщику и служанкам я объясняю, что он очень важная персона.

— Полковник Джолл служит в Третьем отделе, — говорю я. — А Третий отдел в наше время самое важное подразделение Гражданской охраны. — Так, по крайней мере, утверждают сплетни, с большим запозданием доходящие до нас из столицы. Трактирщик кивает, служанки угодливо кланяются. — Мы обязаны произвести на него хорошее впечатление.

Выношу свою циновку на крепостную стену, где ночной ветерок позволяет ненадолго забыть о жаре. На плоских крышах города в лунном свете различаю силуэты спящих людей. Из-под ореховых деревьев с площади еще доносятся приглушенные голоса. В темноте рдеет, как светлячок, чья-то трубка: красная точка то тускнеет,

то снова вспыхивает. Лето медленно катится к концу. Сады изнемогают под бременем плодов. В столице я не был со времен своей молодости.

Просыпаюсь до рассвета и на цыпочках спускаюсь по лестнице мимо спящих солдат: они ворочаются, вздыхают и видят во сне своих матерей и невест. Сверху на нас смотрят тысячи звезд. Воистину мы здесь живем на крыше мира. Проснешься среди ночи под открытым небом, и дух захватывает.

Часовой у ворот сидит, скрестив ноги, и крепко спит, мушкет он держит на руках, как ребенка. Каморка привратника закрыта, его тележка стоит снаружи. Иду дальше.

— Условий для содержания заключенных у нас нет, — объясняю я. — Преступления здесь дело довольно редкое, виновные наказываются в основном штрафами или принудительными работами. Этот сарай, как видите, просто кладовка, пристроенная к амбару, где мы храним зерно.

В сарае тесно и воняет. Окон там нет. Двое задержанных лежат связанные на полу. Запах в сарае — от них, застарелый запах мочи. Зову стражника, приказываю:

— Пусть вымоются, и побыстрее.

Пропускаю гостя вперед и вслед за ним вхожу в прохладный сумрак амбара.

— В этом году надеемся собрать с общинных земель три тысячи бушелей. Сеем мы всего один раз. Последнее время погода весьма нам благоприятствует.